

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Кольваново-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казак А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагьи о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Клюевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятнин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбиляры

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetuy» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's library)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the compare suite of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovsky)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A cjrrektion of naturalistic and aesthetic tendencies in european art cultura in the XIX anturu	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Sress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiryakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State Universiti	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-vealization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and ganre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The semenary of the USA Congrtrss Librart in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN Itgaky as university for university lectures of the humanities univtrsty	156

CURRENT TECHNOLOGITS AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospekts	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
---	-----

О ЧЕМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА?

(стилистические этюды)

Рассматриваются результаты сравнительного анализа функций мотивационной цепи звена «колокол – колокольня – колокольный, колокольчиковый» в поэзии М. Цветаевой, Н. Рубцова, О. Мандельштама и Е. Евтушенко.

Русское слово *колокол* есть во всех толковых словарях, но определяется оно по-разному: сухо, поделовому – в академических словарях – «металлическое (из меди или медного сплава) изделие в виде усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем-языком»; и живо, с привлечением образных ассоциаций В.И. Далем – «вылитый из меди (с примесью олова, серебра и пр.) толстостенный колпак, с развальсатым раструбом, с ушами для подвески и с привешенным внутри биллом или языком». Колокол у Даля предельно очеловечен: у него есть уши и язык, он носит колпак, хотя от ассоциации с языком не удерживается и строгий академизм.

Колокол – одно из древних слов нашего языка. Этимологические словари непротиворечиво отражают его историю: оно восходит к праславянскому *kolkoľъ «звон», которое представляет собой удвоение звукоподражания *kol, что встречается и в других индоевропейских языках, например, в литовском – kálkalas (из *kalkalas), «колокольчик», древнеиндийском – kala – kalas «беспорядочные крики, шум». Современное звучание русского *колокол* обязано полногласию, свойственному славянским языкам.

Несмотря на долгую жизнь в литературном языке, слово не имеет богатых ветвей: оно развило два переносных значения, вошло в состав фразеологизма *звонить во все колокола*, послужило основой для образования четырех слов: *колоколен, колокольный, колокольня и колокольчик*. Последнее – с прямым (маленький колокол) и переносным значением (цветок). В русских диалектах оно укоренилось в значительно большей степени, дав жизнь еще и таким образованиям, как *колоколёна, колоколить, колокодистый, колоколка, колоколок, колоколуха* и др., причем каждое из них многозначно, а *колокольчик* употребляется в 24 значениях.

Слово *колокол* и его производные активно освоены фольклором; они употребляются в пословицах и поговорках, в загадках и присловьях: *Пришло счастье, хоть в колокола звони! Колокол в церковь людей зовёт, а сам никогда не бывает. Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Звони поп в колокола, чтоб попадья не спала. Язык есть, речей нет, вести подает. Отзвонил да и с колокольни долой.*

Привлекается это слово и его «родственники» в язык художественных произведений, в прозу и поэзию: *Наконец, ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся* (В. Арсеньев. По Уссурийской тайге). *Ямские лошади ... нетерпеливо позвякивали бубенчиками и колокольцами* (И. Курприн. Одиночество). *То ветер подует ..., то за стеной колокольные часы пробьют полночь* (А. Чехов. Княгиня). *На голом откосе стояла одинокая церковка с островерхой колокольней* (Н. Никитин. Северная Аврора). *Колокольчики мои, цветики степные! Что глядите на меня, Темно-голубые?* (А. Толстой. Колокольчики мои).

Особый интерес своей многоплановостью, многогранностью представляет использование в поэтическом тексте «мотивационных сцепок», иначе говоря, мотива-

ционно связанных слов, представляющих собой однокорневые или одноструктурные образования, содержащие слово *колокол* и его производные [1]. Таким сцепкам, или мотивационным парам и мотивационным цепочкам, и посвящены настоящие стилистические этюды.

Этюд первый

Известный стилист И.Ф. Пелевина верно заметила: «В русском слове *колокол* слышится звон, хотя повторяющаяся в нем фонема /К/ глухая и звона никак не напоминает, да и плавная /Л/ вне связи с каким-либо смычным согласным далека от этого звукового образа <...>, но в русском слове выразительна редупликация, подсказывающая именно звон, а не отдельный удар колокола» [2]. Вот эту редупликацию, передающую удвоенный звон-удар колокола, тонко чувствуют поэты и используют ее для создания звуковых образов, звуковых картин. Один из ярких тому примеров стихотворения Марины Цветаевой из цикла «Стихи о Москве».

Одно из стихотворений, бросающее вызов царям, избравшим своей резиденцией Санкт-Петербург, заполнено до краев звоном колоколов Москвы златоголовой:

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился *колокольный гром*.
Гремучий опрокинулся прибор
Над женщиной, отвергнутой тобой.
Царю Петру и вам, о царь: хвала!
Но выше вас, цари: *колокола*.
Пока они *гремят* из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.
– И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей.

В стихотворении две мотивационные сцепки: *колокол – колокольный и греметь – гремучий – гром*. Обе они в исходе мотивируются звукоподражательными словами. Удвоение удара колокола усиливается за счет повторного его удвоения в слове *колокольный* и сливается с торжествующим звоном колоколов звучащей триады *греметь – гремучий – гром* при поддержке гремящей аллитерации Р-Р-Р каждой строки (21 «Р»!), усиленной тавтологией чисел – *сорок – сороков*. Обе мотивационные цепочки сливаются в едином сочетании *колокольный гром*.

Во втором стихотворении из цикла «Стихов о Москве», спокойном по своей тональности, носящем созерцательный характер и лишь к концу переходящим в просьбу-призыв, также используются две мотивационные цепочки:

Семь холмов – как *семь колоколов*,
На *семи колоколах* – *колокольни*.
Всех счетом: сорок сороков, –
Колокольное семихолмие!
В *колокольный я*, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом-пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

.....
– Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский
Поп крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

Первая мотивационная цепочка – *семь холмов – семихолмие* – и более развернутая вторая с исходным *колокол*: *колокол – колокольный – колокольная*. Причем *колокол* повторяется дважды, а *колокольный* – трижды в неожиданных сочетаниях – со словами *день, земля, семихолмие*: эти цепочки дополнительно сравниваются в первой строке: *Семь холмов – как семь колоколов*, а во второй – сливаются воедино: *колокол – холм*.

В этом стихотворении функции мотивационной цепочки с *колокол* расширяются за счет переключки с другой мотивационной сцепкой – *семь холмов – семихолмие*, в итоге словосочетание *колокольное семихолмие* создает яркий, емкий красочный символ Москвы (Москва, по преданию, была заложена на семи холмах), чему способствует и сочетание *колокольная земля*, переводящая звуковую картину в пространственную плоскость. В ответ на признание поэта: *И любила же, любила же я первый звон* – звон вторит поэту каждая строка этого стихотворения – от более насыщенного в первой строфе (ХОЛ-КОЛ-КОЛ, КОЛ-КОЛ-КОЛ-КОЛ, КОЛ-КОЛ-ХОЛ) до затихающего во второй (КОЛ, КОЛ, ГОЛ) и отзвука в последней строфе (КОЛ-КОЛ), выражая инструментовку «колокольного дня».

Этюд второй

Насыщено звоном колоколов и стихотворение Николая Рубцова «Левитан (По мотивам картины «Вечерний звон»)». Уже сама тема стихотворения, посвященная певцу природы, предвосхищает обращенность поэта к природе, которую он в удачно найденном образе «колокольчикового луга» делает сопричастной собору – творению человеческих рук:

В глаза бревенчатым лацугам
Глядит алеющая мгла.
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Колокольный звон Н. Рубцова – это не звон колокола златоглавой столицы, воспетой М. Цветаевой: колокола поэта звонят не дворцам, а бревенчатым лацугам, сельским околицам, полям, нарушая их тишину и безмолвие и вызывая ответный звон:

Звон колокольный и окольный,
У окон, около колонн, –
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

Голос природы, звучащий многоголосьем хора колокольчиков, – такой же источник «радостей и сил» для поэта, как и звон соборных колоколов:

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

Ведущими стилистическими средствами создания звуковой палитры стихотворения здесь также являются мотивационные цепочки: *колокол – колокольный – колокольчиковый – колоколец* (состав цепочки иной, чем у М. Цветаевой) и многократно повторяемые *звон – звонить*, которые реализуют такие стилистические фигуры речи, как хиазм (вторая строфа) и прием объединения мотивационных сцепок (*колокольный звон*). Колокольная звукопись стихотворения создается не только за счет формы и семантики глагольного *звонить* и отглагольного *звон*, но и за счет звукоподражательного ряда «колокольно-колокольчиковых» слов, а также посредством эффекта колокольного звона, заключенного в словах «за-

оКОЛЬный, оКОЛЬный, оКОЛО, КОЛони, что в целом имитирует в стихотворении 17 ударов колокола!

Этюд третий

У Осипа Мандельштама, которого характеризуют как поэта «большой изобразительной точности», стих которого «лапидарен, изыскан по ритмам, очень выразителен и красив по звуковой инструментовке» [3], в стихотворении «Скудный луч, холодной мерою...» тоже речь идет о колоколах, но они не звонят:

Скудный луч, холодной мерою,
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несую.
Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола.

Стихотворение, отрывок из которого приведен, как и другие стихи О. Мандельштама, «требуют пристального чтения» [3] в силу того, что они во многих случаях аллегоричны. Цитируемое стихотворение написано в 1911 г., но оно предвосхищает трагический поворот судьбы поэта в 30-е гг., годы гонений, закончившихся его гибелью. Смысл стихотворения глубок и во многом раскрывается посредством двух мотивационных сцепок: *колокол – колокольня* и *туман – туманный – отуманенный*. Колокольня в тексте стихотворения символизирует образ поэта, которого лишили голоса-колокола, возможности творить (*С колокольни отуманенной Кто-то снял колокола*). Для поэта без голоса жизнь теряет смысл (*Твердь умолкла, умерла*), наступает безмолвие, тишина, «полусон и полуявь», зыбь, неясность (*И стоит осиротелая И немая тишина – Как пустая башня белая. Где туман и тишина*). Поэт объединяет компоненты двух мотивационных цепочек в одно понятие – *отуманенная колокольня*. Слово *отуманенный* здесь двупланово, оно несет два смысла: «подернутый туманом, дымкой» и – «лишенный способности здраво рассуждать, соображать». Благодаря второму значению происходит одухотворение образа колокольни.

Стихотворение завершается строфой, в которой все-таки появляется одинокий перезвон, но не колоколов, а «туманный перезвон дум»:

Утро, нежностью бездонное, –
Полуявь и полусон,
Забывье неутоленное-
Дум туманный перезвон.

Этюд четвертый

Е. Евтушенко образ колокола, колокольни использует как символ вольницы, свободолюбия и свободымыслия. В стихотворении «Вологодские колокола», как и у О. Мандельштама, нет ожидаемого читателем колокольного звона, хотя Вологда предстает перед взором поэта как «колокольно-березовая», с обилием церквей и белоствольных берез:

В колокольно-березовой Вологде,
Отдохнув от работы слегка,
Мы бродили с товарищем вольные, –
Как два истинно вольных стрелка.

При посещении краеведческого музея внимание поэта привлекает «одинокая вешалка в пустовавшем стеклянном шкафу», и он слышит поразивший его рассказ служительницы музейного зала:

«Здесь писателя нашего – Яшина
Фронтальная шинелка была.

Сняли нынче-то. *Воля* господская,
А три пули шинелку насквозь.
Свадьбу он описал вологодскую,
Да начальству, видать, не пришлось».

После этого рассказа «два истинно вольных стрелка!» чувствуют себя, как «два обманчиво-вольных стрелка», по-иному воспринимается и «колокольню-березовая Вологда»:

Мы взбирались на дряхлые звонницы
И глядели, угрюмо кура,
На предмет утешения *вольницы* –
Запыленные *колокола*.
Они были все так же опасными.
Мы молчали, темны и тяжки,
И толкали неловкими пальцами
Их подвязанные языки.

В этих двух заключительных строфах Е. Евтушенко находит яркие, «говорящие» художественные детали: запыленный, не используемый колокол – глашатай свободы, «с подвязанным языком», служащий лишь «предметом утешения вологодской вольницы».

В стилистическом плане в стихотворениях обращают на себя внимание и четыре мотивационных сцепки: *колокол* – *колокольню-березовый*, *вольный* – *истинно вольный* – *обманчиво-вольный* – *воля* (господ-

ская) – *вольница*, *звонница* – *вольница* и *Вологда* – *вологодский*. Наименьшую смысловую нагрузку несет последняя сцепка. Три остальные составляют ведущие языковые средства в стихотворении, будучи объединенными единым смысловым стержнем – понятием свободы, независимости, что особо подчеркивается такими компонентами мотивационной цепочки, как *вольный* и (истинно) *вольный* (стрелок) «свободный, независимый, самостоятельный» и словом *вольница* – «(группы населения, преимущественно в провинции, притязавшие на независимость». Из этого смыслового ряда выпадает слово *воля* («власть, право») с определением *господская*, которое стирает грань между бывшими и ныне здравствующими господами. Венчает основную мысль стихотворения мотивационная сцепка *колокольню-березовая* (Вологда) – *колокола*: хотя и запыленные колокола, но по-прежнему опасные для носителей «господской воли».

Таким образом, одни и те же языковые средства, в данном случае – мотивационно связанные слова, в произведениях разных художников слова выполняют разные стилистические функции, иначе говоря, колокола звонят или не звонят с разной целью и по разным причинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984; *Ее же*. Мотивационная «одежда» стилистических фигур // Вестник Томского пед. ун-та. Вып. 6. Серия: гуманитарные науки (филология). Томск, 1998. С. 3–5.
2. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. С. 30–31.
3. Рудаков В.В. Предисловие // Осип Мандельштам. Стихотворения. Томск: Томское книжное изд-во, 1990. С. 5.

Статья поступила в научную редакцию 24 мая 1999 г.

«... Я, МОЖЕТ БЫТЬ, СТАЛ БОЛЕЕ СТРОГО ОТБИРАТЬ СЛОВА И ПОТОМУ ДОСТИГ НЕКОТОРОГО СОВЕРШЕНСТВА» (к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского)

В 2000 г. российская поэзия будет отмечать замечательный юбилей – 100-летие со дня рождения выдающегося известного русского советского поэта Михаила Васильевича Исаковского. Пожалуй, не было в бывшем СССР, как нет сейчас в странах СНГ человека, не знавшего или не знающего произведений этого автора, даже если человек никогда не интересовался поэзией. Да и за границей (как сейчас принято говорить, – в дальнем зарубежье) тоже знакомы с творчеством Михаила Васильевича. Мировую славу и всенародное признание принесли ему ставшие знаменитыми, истинно народными песни на его стихи – «Катюша», «И кто его знает», «Огонек», «В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои...», «Снова замерло все до рассвета», «Летят перелетные птицы», «Провожаешь». Пожалуй нет ветерана Великой Отечественной войны, нет семьи, не знающих и не поющих «со слезами на глазах» и комком в горле его «Враги сожгли родную хату» – песню, которую безуспешно пытались запретить-замолчать окололитературные бюрократы. Все эти песни, как и многие другие, может быть, не столь широко известные произведения Михаила Васильевича Исаковского, вошли в классику российской и мировой Поэзии.

В преддверии 100-летнего юбилея М.В. Исаковского мы впервые публикуем его письмо, написанное поэтом 28 декабря 1950 года студентке-дипломнице Томского государственного университета (оригинал хранится у О.И. Блиновой – шесть пожелтевших от времени страничек из школьной тетради в линейку). Это письмо не только содержит ответы Михаила Васильевича на ее вопросы об отношении поэта к используемым им диалектизмам, но и раскрывает принципы его поэтического мастерства в оригинальном творчестве и в художественных переводах. Письмо, написанное полвека назад, имеет современное звучание. И, что особенно дорого, в письме перед читателем предстает не только Поэт, но и Человек.

О.И. Блинова, В.З. Башкатов.

Маргарите Зелениной,

г. Томск, Комсомольский 6–1.

Отвечая на Ваши вопросы. Но прежде всего мне хотелось бы сказать несколько слов о диалектизмах вообще.

Диалектизм, по моему разумению, это такое слово или выражение, которое свойственно какому-либо говору и наречию, существующему в определенной местности, т.е. слово или выражение, имеющее ограниченное хождение (территориально), непонятное в другой местности и неупотребляемое там. И в силу того, что это слово или выражение свойственно именно какой-либо одной местности (или же нескольким мест-

ностям), оно не может считаться словом общерусским (когда речь идет о русском языке).

И если подходить к Вашим вопросам с этой точки зрения, то, как мне кажется, некоторые слова, зачисленные Вами в диалектизмы, вовсе не являются таковыми, а являются словами общерусскими.

К таким словам я отношу, например, слово «нива». Вы его считаете диалектизмом. А мне до Вашего письма никогда в голову не приходило, что «нива» – это диалектизм, т.е. некое местное слово. Чтобы проверить себя, я, по прочтении Вашего письма, заглянул в словарь Ушакова. Оказывается, Ушаков также относит слово «нива» к диалектизмам (во всяком случае, у Ушакова после этого слова имеется в скобках пометка, что оно является областным и поэтическим).